

12–13 сентября в Пермском крае прошёл IV экономический форум «Новые метрополии: города, которые выбирают». Среди пяти «ключей» от города будущего, по замыслу организаторов, был и ключ «Образование». В Перми образование рассматривают как важнейшее конкурентное преимущество города и региона, нацелены на максимально эффективную образовательную политику и менеджмент. Об этом публикации профессора, заместителя научного руководителя Государственного университета — Высшей школы экономики Льва Любимова и Министра образования Пермского края Николая Карпушина.

ОБРАЗОВАНИЕ И ЭКОНОМИКА

Лев Любимов,
заместитель научного руководителя
Государственного университета —
Высшей школы экономики

Сдвиг в структуре экономики развитых стран от промышленности к сфере услуг в последние десятилетия всё быстрее перерастает в сдвиг к постиндустриальной эпохе, к новому информационному обществу, к экономике, основанной на перемещении, переработке и на быстро прирастающих знаниях. Проще говоря, если источниками экономического роста в прошлом были земля, труд и капитал, то сегодня в их состав, причём сразу на первое место, вышел интеллект.

Структуры, столетиями отчуждавшие 99% своих работников от ответственности, оказались неэффективными, когда основным ресурсом развития и роста стали знания и информация, способность быстро находить нужные для решения проблемы компоненты знания, организовывать их в новые комбинации, генерировать новое знание (знаниевое приращение), которые превращались

в конкурентное преимущество организации и самого работника. Но для того, чтобы удерживать общий потенциал конкурентных преимуществ организации, в ней должен был возникнуть постоянный поток таких приращений. Работник в знаниевом обществе стремится взять ответственность на себя за созданное им приращение знания и получить за него вознаграждение. В каждом элементе производства доля интеллекта

нарастает, вытесняя «руки» и меняя структуру рабочих мест и структуру самого производства.

Знаниевая экономика

Новая экономика — это не вертикальная интеграция наёмных подчинённых, а сетевая организация их потенциалов, постоянно разбиваемая на группы для решения возникающих задач. В таких группах — командах — можно в течение года собрать любую конфигурацию индивидуальных «потенциалов знаниевого приращения». Но в таких командах темп должен быть таким же, как в парных теннисных матчах. Это требует другого уровня адаптивности работника, умения мгновенно ответить на требования и ожидания партнёра.

Возникшее у работника право на ответственность, на участие в генерировании идей, нового знания, с одной стороны, создаёт мотив, а с другой — необходимость в самообновлении, в постоянном доучивании и переучивании. Приращение знания как конкурентное преимущество организации и работника требует и непрерывного изменения суммы и качества знаний самого работника. Те из этих изменений, которые не связаны с переквалификацией и не требуют обращения к услугам дополнительного (послеуниверситетского) образования, приходят сегодня из источников информации, которые легко может получить сам работник. При этом источники, ресурсы которых увеличились на много порядков при массовом внедрении на рабочих местах и в семье персональных компьютеров, после появления Интернета стали, по существу, неограниченными. Неограниченный доступ к неограниченной информации изменил роль учителя и профессора. Сегодня любой человек может учиться в любом месте и в любое время. Если вчера между учеником и знанием стояли учитель и профессор, то сегодня есть выбор — в пользу либо интерактивных средств обучения, либо в пользу самообучения. И все эти выборы уже совершаются в массовом порядке.

Знаниевая экономика резко ускорила оборот информации и знания. Тем самым она ускорила обесценение и амортизацию человеческого капитала, сделав его обновление даже более сложной и трудоёмкой задачей, чем например, общее образование молодёжи. Ведь в отличие от школьных лет во взрослой жизни содержательный выбор личного «амортизационного» решения (переквалификация, тренинг, повышение квалификации и т.д.) связан со значительными издержками и рисками. Идея непрерывного образования возникла как результат адаптивного поведения людей, реагирующих на изменение среды. Сегодня рабочие места большинства работников украшают висащие на стенах в красивых рамках сертификаты и свидетельства о переподготовке, повышении квалификации, о пройденных мастер-классах.

Последние десятилетия любая развитая экономика испытывает огромное давление издержек на образование. Это давление стало причиной перевода ряда государственных расходных статей в этой сфере в частные. Коммерциализация образования во многом связана с тем, что нынешний структурный тип развитой экономики не выдерживает социального давления на него нынешнего структурного типа образовательной системы. Проще говоря, продукт (выпускник) школьной системы не очень совместим с требованиями университетской подсистемы, а продукт университетской подсистемы не очень совместим с меню рынка труда, что привело к появлению огромной подсистемы переквалификации взрослых, которая вбирает в себя даже миллионы тех, кто только что окончил университеты. Выпускник «доводит» себя до требований рабочего места при помощи огромной системы дополнительного профессионального образования или при помощи фирмы (всё это — экстрарасходы на образовательную систему). В России перепроизводство плохо обученных или просто излишних специалистов пока ещё рассасывается российским рынком труда за счёт быстрого (догоняющего) роста числа сервисных рабочих мест,

где недоученный или «непрофильный» специалист всё-таки лучше, чем вчерашний школьник.

Между общей школой, высшим профессиональным образованием и рынком труда пока нет эффективных сквозных связей. Индивидуальный выбор в огромной мере усложняется «непрозрачностью» образовательной системы: 1) на уровне школьного образования родители не имеют полной информации о качестве услуг школы, отдельных учителей, о качестве обеспечения отдельных программ; 2) на уровне высшего профессионального образования студенты лишь частично представляют себе то, чем и для чего они будут «экипированы» к моменту окончания вуза (отсюда огромные и нарастающие объёмы пере-квалификации); 3) на уровне дополнительного образования часто единственный критерий выбора качественной программы — её цена.

Общественный выбор образовательного содержания сталкивается с тем, что нынешняя система образования не видит, не различает перед собой рынка труда для молодых поколений и не проектирует их для него. Она всё ещё погружена в саму себя, в свои прошлые традиции и цели, технологии и функции. Эта система социально консервативна, её инерционность поддерживается обществом, где большинство — это родители, бабушки и дедушки, для которых прошлая школа ностальгична и мифологична, так же как и университеты, где они учились. Между тем издержки общества на сферу образования давно перегрузили его расходные возможности, работники и фирмы вынуждены к общественным расходам добавлять возрастающую частную долю. Между тем эффективность образовательной системы можно существенно повысить, если пересмотреть саму философию образования (цели и задачи), её психолого-технологические основы, организационную базу и системы педагогического образования и рекрутинга.

Человек в знаниевом обществе

Стандартизованное общее образование выпускало абитуриента, хорошо подготовленного к слушанию, записыванию и запоминанию лекций в университете, поведению в массовой лекционной аудитории, к отчуждению профессора за кафедрой от массового студента. Человек был

не мобилен как территориально, так и профессионально. В течение жизни он проходил через узкий круг социокультурных и профессиональных сред. Общее образование содержательно, технологически и организационно было массово-стандартизованным институтом (одни и те же программы, темы, задачи, упражнения, в одно и то же время, с одним и тем же учителем, в одном и том же классе), стопроцентно встроенным в логику «равноположенной справедливости».

Постиндустриальная эпоха принесла с собой неслыханное богатство выбора, богатство разнообразия. Это выражалось в разнообразии материальной продукции, услуг, стилей жизни, наконец культур. Постиндустриальная экономика и постиндустриальное общество не только дали всё это индивиду: они одновременно предъявили к нему совершенно иные требования, среди которых изменчивость, адаптивность к изменениям стали, вероятно, важнейшим требованием. Огромность выбора сделала выбор профессией: менеджер по продажам, консультант по интерьеру, финансовый советник по семейному бюджету — сегодня обычный кадровый пейзаж. Дизайнер (конструктор) стал самой массовой профессией и массовым хобби.

Но огромный выбор и изменения возникают там, где изменения создают люди, сами постоянно изменяющиеся. Способность самообучаться и переобучаться превращается в главное условие существования и выживания, устойчивости статуса и роста благосостояния. Традиционная временная структура жизни — время учёбы, время работы, время заслуженного отдыха — изменилась: теперь это время школьной учёбы, в котором человека обучают умению учиться, и время всей остальной жизни, где он это умение постоянно реализует. Создававшийся в индустриальную эпоху стандартно обученный «на всю жизнь» добросовестный линейный работник сегодня замещается работником, у которого развиты интеллект,

эмоциональность, воображение, интуиция, способность к синтезу знаний, к ассоциациям, готовность брать на себя ответственность и принимать решения.

Человек в знаниевом обществе — это человек живущий и работающий в экономике, основанной на знании. Об этой экономике западные авторы заговорили уже в 70-е годы прошлого века. По существу, речь шла о переходе от индустриальной экономики к постиндустриальной, третьей эпохе новой и новейшей истории развитых стран. В первую — сельское хозяйство вытесняется промышленностью, во вторую — промышленность существенно потеснена сферой услуг, в третью — информационно-знаниевая компонента, производство и применение огромных объёмов информации благодаря прогрессу информационно-коммуникативных технологий стали занимать всё большее место в любых отраслях, даже наиболее традиционных. Эта эпоха выдающихся мыслителей минувшего века

Э. Тоффлером была названа «третьей волной». В соответствии с новой исторической ступенью экономики, основанной на знании, разные страны смогли идентифицировать свою экономику как инновационную (своего рода синоним экономики, основанной на знании), либо как тиражирующую (производящую известную традиционную массовую продукцию), либо как сырьевую (основанную на добыче и экспорте сырья) и, наконец, «прочую».

Зарубежная литература наделила знаниевого работника огромным числом свойств, среди которых есть как традиционные (их большинство), так и новые. Если в прошлом традиционные эти свойства были присущи элите национальной рабочей силы, то сегодня ими должно обладать большинство работников. Более того, некоторые свойства (как традиционные, так и новые) постепенно начали трансформироваться в ценностные установки. Например, адаптивность к изменениям (рефлексивность) — свойство традиционное, но отнюдь не у всех встречающееся, а иногда дефицитное даже у целого народа. Однако знаниевый работник — это не один из видов рабочей силы в экономике, основанной на знаниях, а подав-

ляющее большинство рабочей силы. Что не менее важно: требование о рефлексивности едва ли не у каждого превращает это свойство в новую ценность, новую ценностную установку для знаниевого общества.

Свойство личности в знаниевом обществе

Среди новых свойств личности, необходимых для знаниевого общества, прежде всего укажем следующие: умение и постоянное стремление учиться, умение общаться, мобильность, чувство будущего, эмоциональная развитость, диалогичность с другой культурой, мотивированность, стремление к экспертному знанию, лояльность к организации, знание навигации в Сети. Многие из этих свойств взаимосвязаны, невозможны одно без другого (например, стремление постоянно учиться и мобильность). Многие из них, безусловно, не только являются свойствами личности (компетенциями), но и расширяют корпус ценностных установок и индивида и нации в целом.

В знаниевой экономике учиться приходится постоянно — и потому, что знаниевые требования большинства сервисных рабочих мест постоянно меняются, и потому, что сами знания устаревают в течение нескольких лет. Тот, кто не учится постоянно, лишается мобильности и рискует потерей рабочего места, если данный тип рабочих мест устареет или модернизируется. Умение учиться — это не просто навык или свойство, но важнейшая часть культуры и условие социальной стабильности, поскольку в знаниевом обществе это требование предъявляется большинству, и образование (особенно университетское) становится не только воспроизводством элиты, но и широким социальным воспроизводством.

Переквалификация

В последние 15 лет в России резко вырос спрос на переквалификацию: второе высшее образование, многочисленные программы

МБА, другие формы повышения квалификации стали обычными для многих вузов и для сотен тысяч человек. Вырос спрос и на образовательные услуги по повышению квалификации, на дополнительную квалификацию. Пока эти явления отражают не потребности знаниевого общества, а глубокие перестроечные процессы в структуре российской экономики и в обществе. Идёт массовый адаптивный процесс приспособления национальной рабочей силы к тем огромным изменениям, которые вызваны новым вектором развития России. Однако рыночная экономика, как элемент этого вектора, существует в качестве основы всех её нынешних типов. Инновационной она может стать только при определённых условиях. Одно из них — зрелость экономики и бизнеса, способных к быстрой смене продукции. Для этой стадии зрелости экономика должна развить существенный научно-прикладной «впередсмотрящий» потенциал, способный обеспечить растущее предложение новых продуктов и технологий, производственных и логистических процессов, управленческих решений, т.е. экономика должна развить инновационное предложение, превращающее самого потребителя в участника общей инновационной динамики. Естественно, что не менее важное условие инновационной экономики — адаптивная динамика рабочей силы, без которой невозможна инновационная динамика экономики.

Модель образовательной системы

Готовясь к инновационному типу экономики, необходимо проектировать и соответствующую модель образовательной системы. Такая модель, не отказываясь от программ элитарного типа, должна ориентироваться на всю массу молодёжи, подготавливая в ней свойства будущего знаниевого работника. Многие традиционные свойства элитарного человека в этой модели должны проектироваться в массовом работнике: креативность и критическое мышление, бесстрашие к бременю ответственности, умение судить о фактах, явлениях, событиях; умение держать слово; чувство долга; умение обнаруживать проблемы и ставить их перед собой, предметная (в школе) и профессиональная компетентность; воображение, умение находить, компилировать информацию и генерировать её новые комбинации, генерировать знание, владеть навигацией в Сети.

Отметим, что в западной литературе всё чаще делается акцент на таком свойстве личности, как гуманность, гуманитарность, на формировании ценностной структуры личности, на социальной, а не мистической религиозности (в территориальных сообществах с высокой распространённостью верующих). Это знаменательные изменения в инновационных странах Запада. На уровне духовном, глубоко осознанном, пережитом и выстраданном это понимание пока присуще в России очень немногим: «Техническое образование даёт совсем мало. Главное, формирующее человека, его нравственный мир и, в какой-то мере, отношение к окружающему, даётся гуманитарными науками, гуманитарной культурой в целом, искусством» (Д.С. Лихачёв). Особенности знаниевого общества — креативность, воображение, диалогичность с другой культурой, умение общаться — должны быть свойствами всей рабочей силы: «Интеллигентность должна быть свойством всего народа, всей страны» (Д.С. Лихачёв).

Сегодня наша образовательная система всё ещё воспроизводит человека индустриальной эпохи, с прежним набором свойств и не очень изменённой структурой ценностных установок. Мы воспроизводим прошлое в настоящем, «бережно» охраняя его и для будущего. Замена деклараций на реальные инновационные цели в образовании предполагает проектирование инновационного человека, который рождается лишь в иной, чем наша, образовательной системе. Рассмотрение, по крайней мере, нескольких ключевых свойств знаниевого работника, которые должна формировать образовательная система (прежде всего средняя школа), поможет нам разобраться в этом новом для нашего образования направлении.

Утверждение о том, что доминирующей в наших школах технологией является устная трансляция знания от учителя к ученику, давно стало общим местом. Эта технология, которая в теории обучения обозначается термином «инструкционизм»,

включает ряд характеристик: 1) ученик «проходит» тему, как будто она не имеет отношения к уже «пройденному»; 2) ученик не интегрирует накопленные им знания с новыми для него идеями и не умеет найти их взаимосвязи; 3) ученик просто запоминает факты, события или процессы, не понимая их смысла; 4) ученик не понимает смысла тех идей, которые он мог бы получить из иных, чем школьные учебные материалы, источников информации; 5) ученик запоминает информацию без рефлексии на цели или стратегии своего обучения; 6) ученик не понимает диалога, не умеет обсуждать, оценивать логику аргументов, не умеет аргументировать (он живёт внутри «монологичной» культуры).

Следствия этой технологии для ученика: неумение учиться самому, самому организовать свою учебную деятельность; нерелексивность; демотивированность на самостоятельную учёбу, выявление интересующих тем; монологичность; некреативность. Эти свойства отличаются крайней устойчивостью. Попадая в более мобильную университетскую образовательную среду, такой ученик теряет, не может определить предметных приоритетов, не видит межпредметных связей. Даже в Высшей школе экономики, где учебные технологии максимально приближены к иной культуре, на старших курсах остаётся ностальгия по лектору, диктующему тексты своих лекций. Но в подавляющем большинстве, становясь студентом, вчерашний школьник счастлив в среднем российском вузе потому, что и в вузах, как правило, школьная технология не только сохраняется, но и воспроизводится, но уже в массово-поточных аудиториях. Именно против этой технологии, в том числе, направлен компетентностный контекст третьего поколения госстандартов в высшем профессиональном образовании России.

Особо опасным следствием этой технологии является нерелексивность (традиционная болезнь всего российского общества, включая прежние эпохи его истории). Историческая, общественная, социальная, экономическая динамика — это результаты развития рефлексии. Нерелексивность (или слабая рефлекс-

сивность) не допускает развития альтернатив в культуре, тем самым обнуляя потенциал общества. Н.А. Бердяев не случайно наибольшую опасность для России видел в отсутствии у нас «срединной культуры» (в силу нерелексивности воспроизводятся лишь старые элементы культуры). Нерелексивность, закладываемая в школе, затем во взрослой жизни, «приводит» к человеку, который не может стать источником новых социальных отношений, а в них так нуждается будущее знаниевое общество России. Будущий российский знаниевый работник без интенсивного свойства рефлексивности невозможен по определению.

Ещё одно из многочисленных следствий «инструкционистской» технологии — замкнутость, некоммуникабельность ребёнка, его неумение общаться, устанавливать быстрый и эффективный контакт с другими. Умение эффективно «партнёрствовать», сотрудничать — столь же важное свойство человека знаниевого общества, как и умение учиться. Это свойство ценностного уровня, т.е. рассматриваемое сегодня как ценность. Постиндустриальная экономика всё в большей мере строится в форме сетевых организаций, взаимодействующих, взаимодополняющих. Всё больше рабочих функций реализуется через командные усилия, «мозговые штурмы» людей с различными компетентностными потенциалами. Чтобы достичь успеха, они должны доверять друг другу, чувствуя и осознавая как свою равноответственность, так и свою равноположенность, лояльность и друг к другу, и к организации. Все социологические исследования в России последние 15 лет по-прежнему фиксируют очень высокий уровень социальной атомизации населения, очень «короткий» радиус доверия, «короче» даже, чем это было в СССР, где он заканчивался в разговорах шёпотом на кухне. «Инструкционизм», удерживающий ребёнка командирской хваткой, позволяющий лишь подчинённый диалог с учителем (тебя спросили — ответь, не спросили — помолчи), не только не допускает рефлексии, но и препятствует развитию диалогичности, общительности, доверительности. **НО**